

Летние сумерки полностью опустились. Общий шум улиц стихал, тротуары редели, небольшой подмосковный городок успокаивался, и лишь раздражающий рёв мотоциклов и грузовых машин пронзали его центральные дороги. Возле одной из таких дорог, немного отделившись от парковой зоны, расположена центральная психиатрическая больница. Она окружена высоким решётчатым забором, который не окрашивался уже несколько лет и двадцатиметровыми пуховыми тополями, доставляющими жителям этого городка неудобства в летнее время. Серые стены самой больницы, имеющие отсыревший вид, нагоняли уныние не только на приезжих, но и на местных жителей. С западной стороны, той, которая смотрит на парковую зону, стену больницы оживляет лишь несколько светящихся прямоугольников: окна лестничных пролётов и окно кабинета Светланы Андреевны, старшей медсестры данного учреждения. Сегодня, час назад, началась её дежурная ночная смена.

Сделав обход проблемных палат, а таких было около четырёх, задерживаясь в каждой не более чем на десять минут, Светлана Андреевна уже через час, с момента начала её смены, расслабившись в своём высоком кожаном кресле, неторопливыми глотками попивала свой кофе. Наконец, длинные пальцы поставили пустую чашку на своё место, и взяли трубку стационарного телефона. Набрав короткий внутренний номер, дождавшись пока гудки сменяются басовитым голосом медбрата, произнесла:

— Журавскую приведи.

— Как обычно?

— Да.

Она положила трубку. Очевидно, что речь шла о какой-то пациентке. Видимо, понимая, что пациентку не приведут тотчас, Светлана Андреевна не торопилась её встречать. Она не спеша полистала журнал, лежащий на её столе, потом подошла к большому зеркалу на стене, осмотрела себя сверху донизу беглым взглядом, и, словно убедившись, что она та же сероглазая брюнетка со стройным худощавым телом, отправила себе же улыбку и снова села в кресло, закинув ногу на ногу. С каждой последующей минутой её вид приобретал всё более официальное выражение. Чувствовалось, что пациентку вот-вот приведут. Спустя еще пару минут за дверью послышались шоркающие шаги и некая возня, которая напоминало сопротивление. Вели Журавскую. Та сопротивлялась, но сильные руки санитаря не давали никакой надежды вырваться. Журавская видела и понимала, что приближение к двери кабинета медсестры неминуемо, но, тем не менее, упиралась. Через несколько мгновений в дверь постучали. Раздался властный женский голос:

— Войдите!

— Привёл вот, — вытирая плечом каплю пота с подбородка произнёс санитар, — как вы велели!

Светлана Андреевна уже стояла справа от своего кресла. Придав своему телу ещё большую осанистость и статность, она не нарочно демонстрировала своё величие. От понимания того, что больная упиралась как могла, чтобы не попасть в этот кабинет, у Светланы Андреевны растянулись уголки рта в лёгкой заботливой улыбке. Такие улыбки обычно дарят ветеринары своим больным хорошеньким собачонкам. Осознание своей подавляющей воли в отношении этой, стоящей в дверях двадцати трёх летней девушке, обтянутой в тугую смирительную

рубашку, которая потратила почти все силы своего вымотанного больничным режимом тела на то, чтобы её не забирали из палаты, волнительно щекотали нутро Светланы Андреевны. Худощавое и бледноватое лицо больной, её взгляд загнанного зверя не вызывали у медсестры никакой жалости, а наоборот, нежно ласкали её женское естество.

Лилия Журавская лежала в этой больнице уже полгода. Такую участь она себе обеспечила своим мерзким поступком. Полгода тому назад, Лилия выколола глаз своему спящему парню, которого она подозревала в измене. Будучи под следствием, а потом на суде она выкрикивала какие-то сектантские реплики, обещала, что вернёт глаз на своё место, и еще много чего, за что была признана невменяемой. То ли это была симуляция, то ли она на самом деле тронулась, известно не всем. Тем не менее, суд принудил её к стационарному лечению в психиатрической клинике. Контролировать процесс лечения со стороны родственников никто не мог, так как кроме её бабки по материнской линии никого у неё не было. Бабка навещала её в лучшем случае раз в месяц, и, по сути, позаботиться о Журавской никто не мог. Мужской персонал больницы очень хорошо это понимал, и спустя два месяца после поступления, Журавская стала подвергаться систематическому насилию. Нрав у неё был очень не простой, поэтому санитары, их было всего два, в свои дежурные ночные смены, когда начальства не было, уводили её в подсобку или свободную палату, привязывали девушку к кровати и трахали как хотели. В общем, эта история длилась около двух месяцев, до тех пор, пока об этом, случайно, не узнала Светлана Андреевна. Держа в голове свой коварный план, по отношению к больной, она быстро собрала некий компромат на этих двух санитаров и, впоследствии, вынудила их уйти из больницы по собственному желанию. Так, умная и хитрая старшая сестра избавилась от тех, кто своими действиями мог вызвать слух в больнице, который мог бы получить широкий резонанс, и, одновременно, взяла покровительство над Журавской, оставив её для себя и своих целей. Теперь, когда ради больной были принесены в жертву два санитаря, причём хороших санитаря, Светлана Андреевна ни за что не отпустила бы Журавскую, так как считала её практически своей собственностью. Она была нужна Светлане. Она была нужна ей как игрушка, как тело, которое всегда доступно, за которое никто не заступится, которое всегда в её собственности, которое, скорее всего, долго будет в этой больнице, при ней.

Когда, стоя в кабинете, две девушки пересеклись взглядами, напряжение в теле Журавской немного спало. Санитару уже не требовалось стольких усилий, чтобы держать больную. Одна, наполовину измученная уколами и таблетками, запертая и обречённая железной системой на неопределённый срок, двадцати трех летняя кошка, ставшая, по воле своей ошибки овцой с испуганным взглядом, и другая, стройная, сочная, вызывающая терпкий вкус во рту одним лишь своим взглядом, умная и расчётливая, стоящая в некой вершине этой маленькой, но непобедимой железной системы, смотрели друг на друга неотрывным взглядом, и обе всё понимали.

— Как обычно? — спросил санитар.

Светлана Андреевна протяжно и неохотно оторвала свой игривый взгляд от Лилии, и дала санитару положительный ответ. После чего санитар, снова стиснув плечи больной своими сильными руками, буквально протолкнул её к деревянному, обитому кожзаменителем креслу. Затем, усадив Журавскую в него, он вытащил из-за спины широкий кожаный ремень, который каким-то образом был прикреплен к его поясу, и стал пристегивать им больную, обхватив грудь и спинку кресла в одно кольцо. На всё ушло минуты три, после чего тучный

санитар распрямился, и, повернувшись к Светлане Андреевне:

— Ноги тоже пристёгивать?

— А ты у неё спроси, — кивнула Светлана на запертую женщину в кресле, а затем посмотрела на неё вопрошающим взглядом.

— Эй, ты, сидеть будешь спокойно? — нагнувшись, спросил санитар.

— Да пошёл ты! — глухим голосом проворчала Лилия.

— Давайте, Светлана Андреевна, лучше перестрашуемся лишний раз, а то эта сегодня словно с ума сошла, — приговаривал санитар себе под нос, а сам тем временем уже обхватывал её бедра и сиденье кресла вторым кожаным ремнём. Затем, так же себе под нос, засмеявшись, он продолжил — «С ума сошла...», что это я. Да тут все сумасшедшие! Мы вот с вами нормальные, да, Светлана Андреевна?

— Конечно, Олег. Ты можешь идти, я тебя вызову, когда понадобится.

И тучный добряк, раскачивающейся походкой, будучи уверен, что сейчас здесь будет проводиться, ему неведанные, психологические работы, с довольным выражением лица покинул кабинет. За хлопком двери, через несколько секунд, послышался щелчок замка. Это Светлана Андреевна, своими тонкими наманикюренными пальцами повернула ключ, чтобы дверь случайно никто не открыл и не помешал им. Затем, за спиной Журавской послышались приближающиеся шаги. Медленный, но неизбежный стук каблуков слышался всё ближе и ближе. Через две-три секунды, когда Светлана уже стояла за спиной Журавской, в кабинете воцарилась абсолютная тишина. Лишь еле слышный гул лампы дневного света, отдаваясь лёгкой, почти незаметной вибрацией в телах обеих женщин, оживлял обстановку. должен слышать больной. Но из врачебной практики известно, что пациент, получивший дозу этого вещества, подчиняется голосу того, кто ему это вещество ввёл. Поэтому, по врачебной инструкции, если ведётся работа с больным под воздействием препарата, в кабинете или палате не должно быть посторонних, так как они, своим второстепенным присутствием могут ввести разум больного в замешательство.

Итак, препарат был создан для того, чтобы квалифицированный врач мог эффективно воздействовать на подсознание больного, откладывая в его памяти или наоборот подавлять в ней желаемые или не желаемые данные. Например, пациент страдает от страхов к темноте или к кому-то другому, кто, по его представлению, может из этой темноты выйти. Терапия данного пациента с применением данного препарата выглядит примерно так. Врач назначает лечение, скажем амбулаторное (больной ходит на процедуры, но живёт дома), которое разбито на двенадцать сеансов. Каждый сеанс врач вводит пациенту препарат, и, не имея, конечно же, корыстного умысла, объясняет последнему, что в темноте ничего нет и быть не может. В общем, внушает ему отсутствие страха перед темнотой. В итоге, страхи действительно уходят. По крайней мере, в большинстве классических случаев.

Под воздействием препарата, сознание человека становится как пластилин, из которого можно вылепить что угодно. В итоге, можно сказать, что то, что таким образом откладывается на подсознании больного, сопровождает его потом всю жизнь.

У Светланы Андреевны были свои представления того, что она хочет слепить из больной. Она даже подумывала сделать из неё домашнее животное, которое будет не только исполнять её сексуальные прихоти, но и убираться в квартире, ходить в магазин и т. д. Домашнее животное, которое никогда не захочет выйти замуж, никогда не убежит и ничего не попросит, а будет служить своей хозяйке верно, преданно и считать это своим смыслом жизни, счастьем,

дарованным ей свыше. И Светлана Андреевна для себя решила, что эту идею отбрасывать нельзя, и такое домашнее животное она может себе сделать, но после официальной выписки Журавской. И так, продолжим.

Светлана увлечённо улыбалась, видя, как Лилия пытается поймать своим ртом её ногу. Она подносила её к её носу, а потом одёргивала. Как только Журавская двигалась в сторону Светланы, та отталкивала её ногой в лоб, при этом принимая игриво-капризное настроение. Затем, придвинув перед собой рядом стоящий табурет, медсестра кинула на него ноги, предварительно сняв вторую туфлю, и произнесла:

— Теперь можешь не заглатывать мои ноги, а просто облизывай их. Лиж от пятки до самых пальцев, нежно и подолгу обсасывая каждый, а потом двигайся в обратном направлении. Когда я буду напрягать свои пальцы, для тебя это будет значить, что ты должна потрахаться об них своим ртом, заглатывая их как можно глубже. После расслабления, ты снова их облизываешь. Да, и ещё. Ты всё время должна ловить мой взгляд, когда бы я на тебя ни посмотрела. Если ты будешь делать всё правильно, то станешь самой счастливой на свете. Ты всё поняла?

— Да, — тихо раздался голос у ног.

— Ну, тогда начинаем, — улыбнулась Светлана.

Журавская устала свой взгляд на красивое, худощавое и наглое лицо Светланы, и, прогнувшись в спине, скользнула языком по указанному маршруту. Потом, вернувшись от пальцев, облизала круговыми сосущими движениями пятку, и стала подниматься вверх, сильно прижимая свой тёплый язык к стопе. С собачьим энтузиазмом облизывала Лилия ногу медсестры. Жертва и хищница смотрели друг другу в глаза. Журавская ассоциировала красивый и холодный взгляд Светланы со своим заданием. Само задание принимало в её сознании такую же красоту. Светлана смотрела в глаза женщины, которая охотно вылизывает её ногу, и видела своё будущее домашнее животное. Причём станет она этим животным или нет, решать ей, Светлане.

Такое общение между двумя женщинами продлилось около сорока минут. Затем Светлана встала с дивана, обула свои туфли и, приказав женщине в смиренной рубашке оставаться на месте, подошла к телефону. набрав внутренний номер и дождавшись ответа, спросила:

— Как там дела? Всё тихо?

— Да, всё тихо. Цезарь опять выступать начал, но сейчас спит, — ответил санитар.

— Хорошо. Ладно, я работаю. Звони в крайней необходимости.

— Понял!

Убедившись, что в больнице всё спокойно, Светлана села в своё рабочее кресло и задумчиво закурила сигарету. Ленивыми движениями подносила она к своим губам тонкие длинные пальцы, набирая в рот дым, смотрела на овощное тело Журавской и, не отводя взгляда, но слегка приподнимая голову, немного оттопырив нижнюю губу, выпускала дым в потолок. У неё в запасе было около трёх часов, по истечению которых, Журавская начнёт отходить от инъекции. Светлана не торопилась — времени было вагон. Затушив выкуренную сигарету, женщина встала и подошла к своему кабинетному сейфу.

В сейфе лежали в основном бумаги, больничная печать и какие-то коробки с препаратами, видимо так же подотчётными. Был в сейфе и серый, небрежно замотанный пакет. Светлана достала его, закрыла сейф ключом и вернулась к своему столу. Во время всей этой возни она ни разу не посмотрела на женщину возле дивана, словно не сомневалась в том, что она

никуда не денется. Светлана скинула с себя медицинский халат, оставшись в обтягивающих серых джинсах и короткой футболке, вытащила из пакета двадцати трёх сантиметровой strapon прозрачного цвета и, обхватив свои бёдра его тонкими кожаными ремешками, застегнула их. Взяв из того же пакета небольшой тубик со смазкой, двинулась к своей невольнице.

Лиля Журавская, увидев боковым зрением приближение Светланы, услышав стук её каблуков, заметно съежилась, тело её задрожало, дыхание и сердцебиение участились. Светлана, подойдя сзади, взяла с дивана подушку и бросила перед собой, затем, опустившись коленями на эту подушку, положила тубик со смазкой на диван. Беспомощное тело Журавской простиралось теперь перед ней в другом ракурсе. Светлана толкнула её вперед, тем самым уложив на живот, а сама приблизилась ещё плотнее, просунув strapon под промежность жертвы. Прижавшись передней частью своих бёдер к ягодицам Журавской, Светлана стала властно поглаживать, а в некоторых, более мягких местах, сжимать части тела беспомощной женщины.

При трении об попу, которую прикрывали лишь пижамные штаны, возбуждение медсестры двигалось к критической отметке. Периодически заправляя пальцами за ухо свой левый локон волос, Светлана усиливала движения тазом. Страпон, поскрипывая, тёрся об кожаный диван своей нижней частью, и мягко скользил по пижамным штанам жертвы своей головкой. Лиля начала немного попискивать, и подавать попу Светлане встречными движениями таза. Женщина не выдержала. Немного отодвинувшись назад, она лёгким движением стянула пижамные штаны со своей жертвы, которые держались на слабой резинке, опустив их до колен. Аккуратная, сухая белая попа, о которой медсестра думала весь этот незавершённый день, готова была поступить в её пользование.

Светлана открыла тубик со смазкой и капнула её на кончик головки strapon. Через секунду, холодный и искусственный член стал медленно проникать во влагалище жертвы. Скрывшись наполовину, член двинулся так же аккуратно назад. Светлана, обхватила ладонями ягодицы Журавской, большими пальцами раздвинула её половые губы, так, чтобы strapon при проникновении не заворачивал их под себя, и снова начала вталкивать член во влагалище. На этот раз он почти скрылся. После нескольких таких предварительных движений член во влагалище пациентки скользил довольно легко и мягко. Журавская не испытывала никаких болевых ощущений, а напротив, отвечала встречными движениями таза и постанывала. Светлана ускоряла темп. Журавская вскоре выдохлась, и больше не подавала свою попу навстречу, а просто, уткнувшись ртом в угол дивана, издавала глухой надрывный стон. Медсестра, всё так же поправляя спадающий локон своих волос, продолжала механические и беспощадные движения тазом, которые сопровождались характерными хлюпаньями во влагалище Журавской, особенно слышными в те мгновения, когда последняя замолкала, чтобы отдышаться. Через двадцать минут такой нагрузки, тело Лили Журавской совсем обмякло, стало тяжёлым, словно прилипло к дивану. Её выпученные, мокрые глаза тупо уставились в одну точку и не моргали, отвисшая нижняя губа блестела от слюней, которые продолжали вязко стекать на кожу дивана.

Светлана Андреевна вытащила искусственный член из влагалища, отстегнула его и бросила в сторону. Вернувшись к своему рабочему столу, она стянула с себя джинсы, а затем тонкие промокшие трусики. Достав из пакета на столе фиксатор для рта, вернулась к дивану.

— Ко мне повернись, — жёстко произнесла она, схватив за волосы неподвижную Журавскую.

Сильным движением руки она буквально стянула женщину с дивана, поставив её перед собой на колени.

— Пасть открой! — крикнула женщина.

Во мгновенно открытый рот за задние и передние зубы Светлана вставила металлическое кольцо, которое не даст ему закрыться, а кожаные ремешки, крепящиеся по бокам кольца, она завела за голову женщины и застегнула. Затем, уложив Журавскую на спину, держа в своих руках её голову, Светлана, захлёбываясь от возбуждения, села на её лицо. Плотнo прижавшись своей промежностью к её открытому рту, Светлана, трущимися движениями начала вызывать собственный оргазм.

— Язык высунь! Высунь как можно сильнее и держи его так! — кричала она сверху прямо в тупые, уставившиеся на неё глаза Журавской.

Женщина раздвинула пальцами свои половые губы и обхватила ими кончик покорно высунувшегося горячего языка. После нескольких подобных движений, Светлана Андреевна перестала себя контролировать. Вцепившись руками в замученную голову Журавской, она продолжила тереться об её губы и нос своим клитором, стремительно доводя себя до дрожи во всём теле. Затем всё в кабинете замерло. Судорожные движения медсестры с каждой секундой становились всё резче и короче, доходя до своего срыва. Наконец, в помещении раздался хриплый крик, скорее похожий на клокочущий рык львицы. Задрав голову кверху, обнажив вены на длинной, загорелой, обличённой несколькими золотыми цепочками шее, Светлана извергала в потолок больничного кабинета всю свою страсть. Не считаясь ни с моралью, ни нормами врачебной этики, ни, в конце концов, с законом, она, можно сказать, сожрала свою жертву в очередной раз.

Через три часа Журавская уже спала в своей палате глубоким каменным сном.